

«Мое прошлое – ужас»

Окончание. Начало на стр. 1

– Для вас вера и Церковь одно и то же?
– А как же? Без Церкви невозможно спастись.
– А почему так много течений в православии?

– Вы, наверное, про секты говорите. Каноническая вера одна – православие. Когда Церковь называют консервативной, то это или от непонимания, или от ненависти. Она не изменилась со времен Христа.

– Есть такая поговорка: «Подальше от Церкви – поближе к Богу».

– Ой, нет, нет. Это не для меня. Мое – это «Кому Церковь не мать, тому Бог – не отец». Моя позиция – без Церкви спасения нет. Только в ней мы получаем благодать, и в ней свершаются семь таинств. Конечная цель наша – спасение души, и без Церкви она невозможна.

– Ваш сын Дмитрий поступил в семинарию сразу после окончания ВГИКа?

– Я даже не мечтала об этом и не думала, что он решится на такой поступок. У него были все данные для того, чтобы быть успешным в своей профессии.

– Но он, кажется, так и не снял ни одного фильма?

– Нет, он поставил дипломный спектакль, и все. На дипломном курсе ему нужно было выбирать между искусством и Церковью. Он был очень способным.

– Да и ваше имя, наверное, помогло бы.

– Я не та мама, которая стала бы помогать. Потом, я же не Михалков и не Янковский. Но я хочу сказать, что эта сфера, кино, – это определенные отношения, определенный тон, определенная эстетика поведения и жизни, определенные взаимоотношения с людьми.

– Сегодня актеров приглашают на передачи как экспертов по разным вопросам. Такое ощущение, что без них ничего не решится. Насколько оправданны эти ожидания?

– Мы везде, даже в проповедниках, мы – самые популярные люди. Раньше нас, как шутов, даже на порог дома не пускали, а теперь – вот что сатана сделал: самая богонегудная профессия делает нас учителями нравственности. Артистов как важных людей приглашают в разные передачи, и люди слушают их, как гуру. Поэт в России больше, чем поэт. Так же и артист в России больше, чем артист. Мы стали непререкаемыми авторитетами, а жизнь у нас далеко не святая. Мы не имеем права быть лидерами, а в телепередачах решаем важные государственные проблемы. Фантастика какая-то!

– Хотя вы не совсем лестно отзываетесь о творческой среде, вы раньше, подозреваю, чувствовали себя в ней комфортно. Вспоминаете о той жизни?

– Вспоминаю. Я была во МХАТе Олега Ефремова 14 лет, в самый расцвет его театра. Во МХАТе тогда был звездный состав, и у нас были фантастические актеры – они были моими партнерами, я была их партнершей. К кино я относилась не так, как к театру. В кино мною мало чего хорошего сделано, одни эпизоды, хотя снялась в огромном количестве картин.

В театре я работала полноценно, сильно и мощно. Грех жаловаться. Мне повезло, ведь я работала с лучшими режиссерами страны, мною дорожили. Кроме благодарности к ним я ничего не испытываю, но это прошлое с духовной точки зрения – ужас. У меня были крупные роли, например, Климентина в постановке Питера Штайна «Ореста». Это одна из самых сложных ролей мирового женского репертуара. Чтобы ее сыграть, нужно что-то уметь. Но я согласилась на предложение Штайна не только из-за работы, еще и из-за денег. Я с 1987 года стала ходить на работу из-за денег.

– А до этого бесплатно ходили?

– По любви. По страсти. Я очень любила театр, очень любила играть в театре. Театр был моей жизнью, как и у любого актера. Тут ничего не поделаешь, такова актерская среда: если серьезно работаешь, то живешь этой работой.

– Ваши коллеги очень часто обожествляют режиссеров. Вам тоже это свойственно?

– Нет. Понимаете, театр – это перевертыш церкви. Он даже устроен как насмешка над церковью – сцена как алтарь за занавесом. В театре все с точностью до наоборот, это явление совершенно дьявольское. Каждый режиссер настаивает на том, что он мессия. Поэтому все актеры воспитываются в духе, что театр – это храм, и в нем служат. Именно служат, а не работают. Каждый ре-

жиссер как бы колдует, ставя спектакль. Ему обязательно нужны единомышленники. Почти все режиссеры помешаны на своей профессии и требуют фанатичного отношения к работе от актеров, даже если они собирают их на короткое время – на один спектакль или на съемку фильма. Эти постановочные группы – как маленькие секты.

У меня никогда не было очарования режиссером, никогда никого из них не обожествляла. Господь хранил меня от этого. Я понимала, кто из них талантлив больше, а кто меньше, но чтобы обожествлять – никогда! Не было ни одного режиссера, с которым у меня не было бы выяснения отношений на эту тему, потому что они чувствуют кожей, что человеку не интересно и что у него есть другая жизнь, вне сцены. У меня всегда была еще какая-то другая жизнь. А мы, актеры, по их логике должны были умереть на сцене.

– И вы спорили со всеми режиссерами?

– По-разному. Единственный, кто не говорил со мной на эту тему, – Занусси. Он очень умный человек, и у него самого очень большой зазор между тем, что он делает, и тем, что внутри него самого. Он очень верующий человек, и в этом смысле с ним очень просто.

– Вам было легко с ним работать?

– Он великий режиссер, мастер, и он прекрасно понимает цену своей работы, поэтому требует от актеров порядка, дисциплины и отдачи. Он брал меня в свой спектакль как звезду, которая умеет работать быстро и грамотно, которой не надо долго и по сто раз объяснять, что от нее хочет режиссер. Но Занусси – это исключение.

Питер Штайн один раз перед премьерой собрал всю труппу и кричал явно в мой адрес о том, что театр для него – религия. Ему патологически не хватало моей преданности. Поэтому мы с ним и разругались в кровь, когда закончился контракт. Ему не доставало моего фанатизма, моего присутствия в спектакле. Технически ему не к чему было придраться в моей работе, но он понимал, что моя душа не на сцене.

– Получается, что режиссеры – богоборцы?

– Конечно.

– А как же тогда Михалков, публично бьющий земные поклоны?

– Никита – верующий человек. Но я говорила не о верующих режиссерах, не о церковных. Я вот не понимаю тех, кто говорит: «Я верующий, но это очень интимное. Не надо об этом говорить». Почему не надо говорить? Если человек так говорит, значит, он не ходит в церковь, не причащается.

– Есть роль, которую вы часто вспоминаете?

– Нет.

– А вот некоторые актеры говорят: «Я эту роль, как ребенка, родил».

– Я не люблю такие сравнения. Мне кажется, что это пошло. Никогда не говорила «мое творчество», «эту роль я родила в муках творчества», «эта роль как ребенок». Это ужасно так говорить. Для меня было чем-то ужасным, когда люди, умирая на сцене, потом бились в истерику, плакали. Я не могла смотреть на это без сожаления.

– В этом году вы возглавляли жюри «Золотого витязя». Вам нравится идея фестиваля православного кино? Ведь не существует фестивалей буддийского или мусульманского кино.

– Есть фильмы с религиозным содержанием. А где вы видели православное кино? Я его не вижу. То есть оно есть, но его не показывают широко.

– Но фестиваль-то есть.

– На него отбирают фильмы, которые повествуют о жизни человеческого духа. На этом фестивале, кстати, всегда очень сильная программа

ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВА родилась 15 августа 1945 года в Москве. В 1967 году окончила ВГИК и была принята в Театр имени М.Н. Ермоловой, работала в «Современнике», в 1973 году перешла во МХАТ. Первые роли в кино сыграла в 1967 году в фильмах «Журналист» и «Война под крышами». Популярность принесли «Бумбараш» (1971), «Соломенная шляпка» (1975), «Обыкновенное чудо» (1978). Несмотря на то что ей чаще доставались роли второго плана, по яркости ее персонажи иногда затмевали главных героев. В 1993 году неожиданно для всех оставила сцену и ушла в Толжский монастырь. Ее сын Дмитрий после ВГИКа поступил в духовную семинарию. В 1997 году актриса вернулась в кино, снявшись в телесериалах «Королева Марго» и «Графиня де Монсоро». Одна из недавних ее работ – роль в фильме «Приходи ко мне посмотреть» режиссера Олега Янковского. Народная артистка РСФСР (1987).

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

документальных фильмов. Документалистика – это самое сильное, что есть у нас в кинематографе. На фестивале было очень много фильмов о нормальной, добродетельной жизни людей, которые живут по заповедям. Добродетель не скучная, но телевидение и кино стали индустриями, которые работают против нее.

– Можно ли назвать «Страсти Христовы» христианским фильмом?

– Я не видела его и вообще ничего не смотрю, что связано с самим Христом, и не понимаю этого. Как это нужно смотреть? Стоя? Сидя? В любом случае, это кошунство. Понимаете, у каждого из нас есть свое представление о Христе, свои взаимоотношения с ним. Хотите вы или нет, но после просмотра перед глазами навсегда остается определенная картинка. Я категорически против этого. Может быть, кому-то этот фильм пошел на пользу, может, кто-то уверовал после него, но лично мне эта картина не нужна.

– Вы снимались в фильмах Динары Асановой. Их можно назвать христианскими?

– А где там говорится о вере? Я же говорю конкретно о вере в Бога, о религиозном содержании, вы же говорите о нравственности. Духовность и нравственность – это совершенно разные вещи. Культура – это культура, а духовное – это религиозное. Зачем морочить голову тем, что писатели, поэты, художники, театры – это духовное. Это совершенно другой институт – нравственный, культурологический, но не духовный. Дух есть только в Церкви. Никакой претензии на воспитание духовности деятели культуры не имеют. Меня каждый раз возмущают разговоры, что у актеров есть что-то духовное. Культура именно на этом и погорела – она претендовала на институт воспитания и проиграла, потому что интеллигенция была неверующая. Таким образом, проиграла и Россия. Поэтому деятели культуры несут огромную ответственность за то, что произошло с Россией.

Помню, как я обратила внимание, что на очень многих могилах царских офицеров на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа нет ни дат, ни регалий, а есть только надписи «Господи, спаси Россию». Никогда не забуду, какое впечатление произвели на меня эти слова. Они как вопль.

– А что сейчас, на ваш взгляд, способен спасти Россию?

– Только вера. Только Господь. Других вариантов нет. Он всегда ее спасал. Посмотрите, сколько святых мучеников дал XX век! Столько не дала вся Церковь за 20 веков своего существования. Никакая интеллигенция России не поможет. После расстрела Белого дома в 1993 году по просьбе Владимира Максимова я дала интервью «Правде». Там я сказала примерно следующее: куда ни ткнись, везде виноваты мы, интеллигенция, это мы довели страну до такого состояния, это с нашего упущения и благословения страна стала такой.

– Что вам сказали на это коллеги?

– Я мало общаюсь с теми, кто когда-то был кругом моего общения. Помню, что в тот день, когда вышла эта статья, я была в Переделкино, в доме творчества. За завтраком ко мне подошел Анатолий Гребнев и спросил, читала ли я свою статью? Я обрадовалась тому, что она вышла, а Гребнев сказал мне, что это страшная статья: «Как ты могла такое сказать?» Я до сих пор считаю, что все, что сказала в том интервью, так и есть. И не отмежевываю себя от того, что делала интеллигенция – сама участвовала в этом.

– Как вы думаете, почему Олег Янковский при его-то возможностях не стал снимать дорогостоящий сериал, а снял фильм «Приходи ко мне посмотреть»?

– Молодец, что снял! Может, ему Господь так подсказал. Божеская ведь картина получилась. По сценарию главной героине было столько же, сколько и мне в тот момент – 55 лет, и я думала, что Янковский предложит мне эту роль. Но он попросил меня сыграть старуху. В театре я играла старух, но там был грим, на экране он более заметен. Я говорила ему, что буду стесняться и думать постоянно о гриме, на что он мне, улыбаясь, сказал: «Ну, не такая уж ты и молоденькая». Я угораздила его отдать мне роль героини, а он говорил, что ему это не интересно будет, говорил, что роль старухи интереснее. Мне очень понравился сценарий, и я быстро согласилась. Потом думала, что так не бывает в жизни – такой сказочный материал для православной актрисы. Никаких внутренних препятствий у меня не было.

– Есть, значит, христианское кино?

– Да, но таких картин – единицы.

– Вы признались, что в последнее время играете только из-за денег. У Меньшикова тоже из-за них сыграли в его спектакле «Горе от ума»?

– Знаете, в этом случае как-то складно все вышло – и из-за денег, и спектакль хороший получился. Это было очень удачное сочетание. Мне очень нравился этот спектакль. Я играла саму себя, и, кажется, зрители понимали это. Я избалованная актриса, привыкла к большим ролям, аплодисментам, цветам. В «Горе от ума» прием был потрясающий, мне было приятно, что меня не забыли – как актрису и человека. Невероятно тепло встречали. Я не знаю, чем заслужила такую любовь, но она очевидна.

– У вас ведь есть и украинские корни. Наверняка следили за прошлогодней «оранжевой революцией» на Украине?

– Я очень переживала все это. Моя мама украинка, она племянница Антона Макаренко. Я часто бываю в Киеве, в Лавре. Что касается Ющенко, то я ко всему, что исходит с Запада, отношусь отрицательно.

– А Ющенко – человек Запада?

– Мне так кажется, хотя мы знаем, наверное, ничего не можем. Не вдаваясь в подробности, скажу: все, что связано с Западом, подвергаю сомнению. Правда, с 1993 года я особенно не вникаю в политику. Тогда мой батюшка сказал мне, что будет лучше, если я буду молиться в храме, чем бегать по баррикадам.

– Ваши браки с Сергеем Соловьевым и Михаилом Рощиным были не очень продолжительными. Они подтверждают, что творческие люди не могут долго сосуществовать?

– Не думаю, что это так, хотя постоянные творческие браки в творческой среде редкие, их мало. Знаете, нам искалечили всю жизнь, отняв у нас Бога. Если бы я знала, что делаю, то никогда не прожила бы свою жизнь так, как прожила. Если бы я знала о Боге так, как знают о нем сейчас с детства мои внуки, то ничего из того, что я делала, не сделала бы – не пошла бы в актрисы, ни с кем не разводилась бы, нарожала бы много детей, вообще все делала бы по-другому. Все, что я делала, было от безбожия, от самости, гордыни, тщеславия...